

Д. К. ШЕДО-ФЕРРОТИ (Ф. И. ФИРКСУ)

Публикация Я. Э л ь с б е р г а

Публикуемое письмо Герцена от 22 августа 1861 г. является ответом на письмо Д. К. Шедо-Ферротти (псевдоним барона Федора Ивановича Фиркса), появившееся в августе 1861 г. в Берлине в виде брошюры под название «Lettre à monsieur Herzen, par D. K. Schedo-Ferroti», 1861, В. Behr (E. Bock) Berlin.

Брошюру эту не следует смешивать с другой известной брошюрой того же автора, вышедшей несколько позднее: «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферротти», Берлин, 1862.

Вероятно, Герцен получил от Шедо-Ферротти не печатную брошюру, а письмо, которое одновременно или несколько позже было издано автором. На это указывают следующие слова из письма Герцена к кн. П. В. Долгорукову от 1 ноября 1861 г.: «Я получил вчера от него <Шедо-Ферротти.— Я. Э.> другое письмо (прежнее было напечатано)...» (XI, 268). Это «другое письмо» — от 29 октября 1861 г.— вошло затем во вторую брошюру Шедо-Ферротти о Герцене (XI, 288).

Когда Герцен отвечал на первое письмо Шедо-Ферротти, он еще не имел ясного представления о политической физиономии своего корреспондента. Это доказывается тем же цитированным выше письмом к Долгорукову, где Герцен спрашивает: «Почтеннейший князь Петр Владимирович, пишу к вам *секретный вопрос*: не знаете ли вы, кто такое и что такое *Шедо-Ферротти*? Мне называли его Фирксом. Мы справлялись в адрес-календаре, но не знаем».

Тем, что Герцен в августе 1861 г. неясно представлял себе политический облик Фиркса — Шедо-Ферротти, объясняется сдержанный, но любезный тон публикуемого письма, в котором, однако, чувствуется принципиальное политическое несогласие и некоторое недоверие.

Ответ Долгорукова Герцену неизвестен, но о характере ответа можно высказать вполне достоверное предположение, исходя из памфлета Долгорукова, напечатанного в «Колоколе» в 1867 г. Долгоруков говорит здесь о Фирксе, как об одном из «константиновцев», т. е. как об одном из людей, принадлежащих к окружению в. кн. Константина Николаевича и его клике либеральных бюрократов во главе с А. В. Головинным (ср. П. В. Д о л г о р у к о в. Петербургские очерки. М., изд. «Север», 1934, стр. 262).

Сведения Долгорукова были справедливы. И сам Герцен после получения второго письма Шедо-Ферротти имел основание, обращаясь 1 ноября к Долгорукову, рассматривать только что полученное новое письмо от Шедо-Ферротти (полностью разоблачившего последнего в глазах издателя «Колокола») как проявление «системы III Отделения делать интимидации» (XI, 268). В выступлении Шедо-Ферротти Герцен справедливо увидел попытку правительственного агента, скрывавшегося под маской принципиальности и убежденности, запугать издателя «Колокола» «общественным мнением».

К первому письму Шедо-Ферротти была приложена датированная апрелем 1861 г. брошюра того же автора на французском языке: «Крепостные, еще не получившие свободу» — шестой этюд из серии «Исследования о будущем России» («Etudes sur l'Avenir de la Russie, sixième étude — Les serfs non encore libérés», par D. K. Schedo-Ferroti, 1861, В. Behr (E. Bock), Berlin).

В своем письме-брошюре Герцену Шедо-Ферротти сообщал, что он «взял себе за правило направлять один экземпляр своих писаний лицам, о которых в них идет речь» (стр. 7).

Брошюра Шедо-Ферротти представляет собой образец незуитства и демагогии. Он пользуется напечатанными в «Колоколе» (лл. 87—88, от 15 декабря 1860 г.) материалами об ужасающе бесправном положении рабочих, приписанных к нерчинским заводам и рудникам, считавшимся личной собственностью императора. Рабочие эти,

«не сделавшие никакого преступления», несли, по признанию официальных документов, «участь гораздо тяжелее преступников».

Шедо-Ферроти, называя себя «одним из первых, кто поднял голос в пользу освобождения крестьян» (стр. 1), пытается выступить в роли «защитника» этих крепостных, которым манифест 19 февраля 1861 г. не принес даже личного освобождения.

На самом деле брошюра Шедо-Ферроти пользуется вопросом о нерчинских рабочих только как благовидным (в глазах либерального общества) предложением для полемики с «Колоколом» и, в частности, с той заметкой и теми подстрочными примечаниями редакции «Колокола» (автором этой заметки и этих примечаний был, вероятно, Н. П. Огарев), которые служили комментарием к нерчинским материалам, опубликованным под общим заглавием «Императорский кабинет и Муравьев-Амурский».

Шедо-Ферроти защищает Александра II от обвинения «Колокола» в «императорском воровстве у России, краже у государства в пользу Романовых».

Особенно же настойчиво как в этой брошюре, так и в письме к Герцену Шедо-Ферроти выступал против материалов «Колокола», поскольку в них обличались высшие сановники империи. Шедо-Ферроти делал при этом вид, что является даже более последовательным критиком пороков администрации, чем Герцен, и заявлял в письме: «... вопрос о лицах имеет гораздо меньше значения, чем вы ему, очевидно, приписываете» (стр. 7). Он выдавал себя за сторонника «реформы учреждений», на деле отстаивая тут же неизбежность «монархического принципа» (стр. 8).

Эта полемика Шедо-Ферроти представляет интерес главным образом потому, что она поясняет огромное значение политических обличений «Колокола». Именно потому, что эти обличения были направлены, в сущности, против всех представителей правительства, они воспринимались не как обвинения отдельных лиц, а как революционно-демократические разоблачения самодержавного строя в целом и обладали таким революционизирующим влиянием, которое пугало не только Шедо-Ферроти, но и либералов, не находившихся в непосредственной зависимости от правительства.

Столкновения вокруг дележа власти, которые происходили тогда между монархистами-либералами и откровенными реакционерами-крепостниками, никак не могли затушевать общность их интересов в борьбе против демократии, против Герцена.

Впрочем, у Шедо-Ферроти была и особая личная причина, побудившая его выступить против «Колокола» именно по данному поводу: в этих разоблачениях был затронут и его покровитель, «либеральный» великий князь Константин Николаевич, по должности председателя так называемого «Сибирского комитета» высказавшийся за сохранение на нерчинских заводах и рудниках на тот или иной срок «обязательного», т. е. крепостного труда («Колокол», лл. 87—88, от 15 декабря 1860 г.).

Отвечая Шедо-Ферроти (на первое письмо), Герцен решительно отвергает либеральную политику, заключавшуюся в том, чтобы «учить правительство» и верить царю. Наоборот, отражая настроения всего демократического лагеря в период революционной ситуации, в период могучего подъема крестьянского движения, достигшего своей высшей точки в 1861 г., Герцен заявляет, что не верит больше в царя, и выражает надежду на вероятность скорого революционного переворота в России и гибели монархии.

Отмечая, что он в «Колоколе» пятидесятых годов, разумеется, по тактическим соображениям, не проповедовал «социальных» (т. е. социалистических. — Я. Э.) теорий», Герцен вместе с тем решительно отвергает обывательски-либеральную оценку социализма как несбыточной утопии.

В шестидесятых годах в «Колоколе» громко звучит революционно-демократическая и социалистическая пропаганда.

Публикуемое письмо Герцена — новое подтверждение того, что он в шестидесятые годы, как писал Ленин, «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» (В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14).

1862 Г.

№ 4

ГУДОКЪ

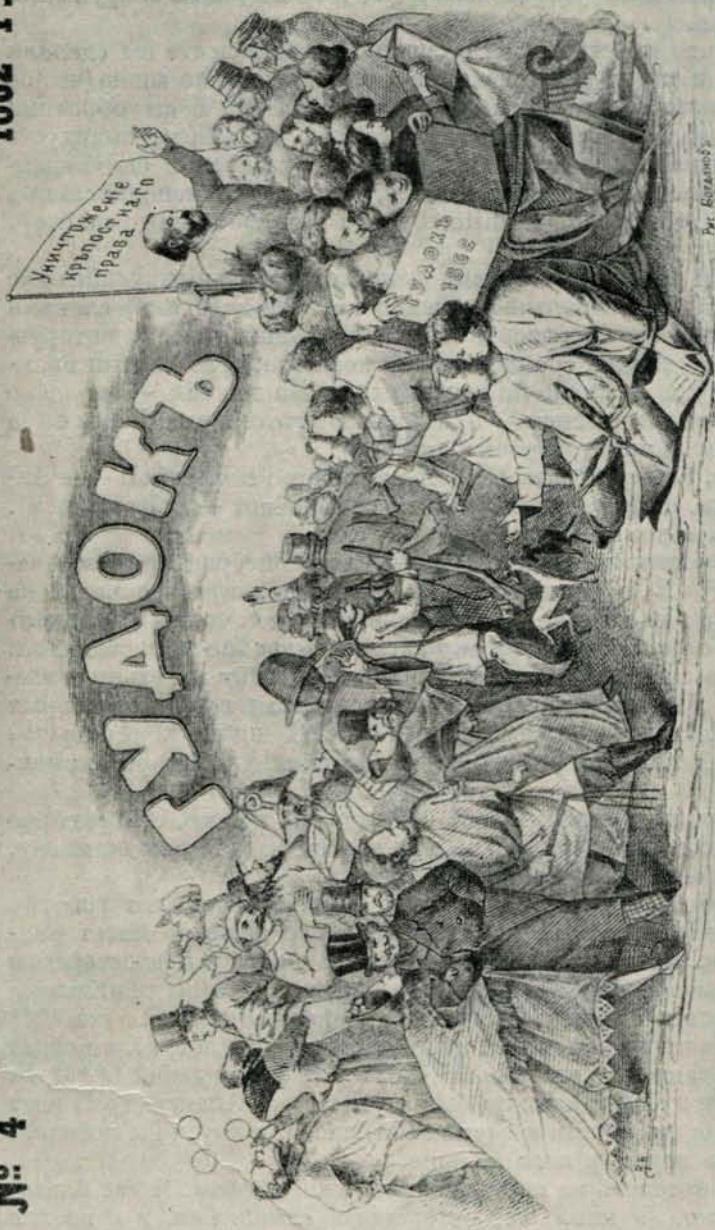

Рис. Богдановъ

Цена без доставки 4 р., съ доставкой в
доставкой 5 р., ср. При журналѣ «Гудокъ»
Миръ болыаго.

САТИРИЧЕСКІЙ «ГУДОКЪ» СЪ КАРРИКАТУРАМИ, ВЫХОДИТЪ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ.

Полное правленіе въ изданіи и редакціи,
доказано, въ б. Морской а. к. Луберга.

ВИШЕТКА ЖУРНАЛА «ГУДОКЪ» № 4 ЗА 1862 Г. С ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГЕРЦЕНА

Грашюра по рисунку А. Богданова

Имя Герцена в 1860-х гг. было под запретом в русской печати. Публикация рисунка, изображающего Герцена (справа, со знакомем в руках), содела «Гудку» большую популярность. Однако вскоре по требованію цензуры вишетка была снята, и 5-й номер журнала вышел уже без нее

22 августа 1861. Лондон

Милостивый государь,

Вы слишком хвалите мой русский язык, чтоб я не в лучшем вооружении явился на ваш вызов.

Скажу сначала, что по странному стечению обстоятельств вы сделали выписки из статьи, к которой примечания были писаны не мною (что не мешает мне совершенно разделять мнение автора). Если б вы обратили на нас ту снисходительную осторожность, которую вы мне рекомендуете относительно предержащих властей, вы, вероятно, написали бы «Редакция» вместо моего имени. Представьте себе, что за все неподписанные статьи в «Revue des Deux Mondes» Bulloz будет отвечать не как редактор, а как автор.

Далее — простите меня — я нахожу непоследовательным уснащение вашей речи (после того как вы меня именно караете за брань) словами brutal, salomnie* и пр. Как согласить их с той урбанностью**, которую вы желали бы видеть в наших сочинениях? Я несколько раз плутни называл плутнями. Что хуже — слово ли brutal или слово плутня — это дело вкуса, и как рассудить эти нюансы — принадлежат ли они aux dames de la Halle*** или нашим дамам торговой бани?

О том, что кто-то, говоря с вами, сравнивал меня с Вольтером — я ничего не могу сказать. Елагин меня чуть не сравнивает — с Картушем¹. Охота вам говорить с такими людьми.

О теориях мы говорить не будем. Вы — более консерватор, чем Александр Николаевич². Я в ваших глазах, вероятно, краснее человека в скарлатине. Где же нам сойтись? Только мне кажется, что вы «Колокол» мало читали. Я в «Колоколе» никаких социальных теорий не проповедывал. И упрек, что мы не занимались вопросом освобождения крестьян с землею, несправедлив. Два проекта были напечатаны нами в двух отдельных брошюрах. Я. И. Ростовцев один из них (V и VIII книжки «Голосов», он же сокращенный был в «Колок(оле)») рекомендовал членам редакцион-
(ной) комиссии.

Но отчего мы не учим правительство? — Это очень просто. Оно скверно учится. Разве нет раздельного труда? — Мы делаем то, что нам по плечу. Вы делаете то, что сообразно вашему желанию.

Вы меня предостерегаете, что социальные идеи, о которых я говорю, начнут осуществляться через 1000 лет. Вычисление ваше не имеет фактического основания, и вы его сделали шутя. Но я вас предостерегаю в вещи, которой поверка ближе к нам. Мне кажется, что вы принимаете петербургское правительство за чрезвычайно прочное, и строите на нем**** систему улучшений и прогресса, а оно не простоит десяти лет, если пойдет путем флигель-адъютантских митральес³, польских учреждений ***** на монгольский манер⁴ и пр. Когда можно было думать, что Александр II идет иным путем, мы, не боясь свиста и осуждения, сказали ему: «Ты победил, Галилеянин!» Мы не верим в него больше.

Вот всё, что мне хотелось на первый случай сказать вам. Я вас благодарю за ваше письмо. У меня нет авторского самолюбия, и я вполне отдаюся на суд искренней критики.

Преданный вам А. Герцен

* грубый, клевета (франц.).

** вежливостью (франц.).

*** рыночным торговкам (франц.).

**** В черновом автографе: на песке

***** В черновом автографе: казенных учреждений

Автограф. Беловой — в бумагах Шедо-Ферротти (ИРЛИ). Подготовлен к печати К. Н. Григорьяном. Черновой — в бумагах Герцена, в «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 134, лл. 21—22 об.).

В черновом автографе письмо заканчивается следующим постскриптумом: «P.S. У вас крест<ьянское> слово приказчик, за ним de boutique <лавка>—полно, так ли это? Я Елагину отвеч<ал> так, как Елагину подобает отвечать — в одном „Кол<околе“»,—но фраза, выписанная в нем и напечатанная гораздо прежде, относится к другой статье».

¹ Н. В. Елагин (1817—1891) — один из самых реакционных цензоров в царствование Николая I, выпустил в 1859 г. в Берлине книжонку памфлетного содержания «Искандер — Герцен», в которой писал о Герцене как о человеке, прибравшем к рукам «огромные суммы денег» — завещанное ему состояние отца. Поэтому Герцен и пишет, что Елагин чуть не сравнивал его с Картушем, т. е. почти называл его вором и разбойником. Ответ Герцена Елагину см. X, 165.

² Царь Александр II.

³ Говоря о «флигель-адъютантских митральесах», Герцен имеет в виду те кровавые усмирения крестьянских восстаний, которые проводились царским правительством после опубликования манифеста 19 февраля.

В каждую губернию, в качестве «особо доверенного лица государя-императора» («Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», части I и II, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 3) был командирован флигель-адъютант или генерал-майор императорской свиты. Происходило жестокое подавление крестьянских волнений, причем некоторые из царских посланцев применяли даже артиллерию. Так, при карательном отряде графа Апраксина, усмирявшего знаменитое восстание в селе Бездна, имелись две пушки (см. «Колокол», л. 100, от 1 июня 1861 г. корреспонденция «Мученики крестьян»). Поэтому Герцен и упоминает о «митральесах» (франц. — скорострельные пушки).

⁴ Герцен касается здесь тех ничтожных и фальшивых уступок, на которые, под угрозой революционного взрыва, царское правительство вынуждено было в марте 1861 г. пойти в Польше. Был восстановлен государственный совет Королевства польского и т. п.

НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

Публикация В. Александрова

Письмо, на которое отвечает Герцен публикуемой запиской, пришло во время его поездки с сыном 24—29 апреля 1862 г. в St. Leonards с целью снять дачу (см. письмо к И. С. Тургеневу от 21 апреля 1862 г.—XV, 110). Адресата письма установить не удалось.

29 avril 1862. Orsett House
Westbourne-terrace

Monsieur,

Je trouve de retour de Sevenoaks votre lettre du 24 avril et je m'empresse de vous répondre. Demain, mercredi, tout le soir depuis 8 heures je serai à la maison et enchanté de vous voir.

Recevez mes salutations empressées.

A. Herzen

Перевод:

29 апреля 1862 г. Orsett House
Westbourne-terrace

Милостивый государь, по возвращении из Sevenoaks я нашел ваше письмо от 24 апреля и спешу вам ответить. Завтра, в среду, я весь вечер, с 8 часов, дома и буду очень рад повидаться с вами. Примите уверение в совершенном почтении.

A. Герцен

Автограф. ИРЛИ. Р. III, оп. 1, I—5130.